

О РОЛИ ЭЛИТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ВЛАСТИ В СТРАНАХ АЗИИ

*Л.Г. Скородумова**

Уникальный характер исторически сложившихся политических систем Азии во многом еще мало изучен и плохо описан. Тем более важна каждая попытка осмысления противоречивых тенденций, возникающих в процессе формирования нового типа политической культуры и, в том числе, в поведении интеллектуальной элиты в этих странах с учетом этнопсихологических факторов.

Элита складывается при трех предпосылках: экономических, национальных (этнократических) и идеологических. Для всех стран (Япония, Китай, Корея, Монголия) характерна довольно жесткая иерархичность, ориентация на персоны. Элиты действуют, скорее, как эшелон поддержки одного из первых лиц политического истеблишмента региона, нежели как самостоятельная политическая организация. По большей части элита в этом регионе отличается хорошим европейским образованием (в основном, это гуманитарии: экономисты, историки, политологи, международники). Иначе говоря, элита воспитана под влиянием западных ценностей, но, с другой стороны, на ее поведение влияет весь комплекс традиционализма. В частности, представители монгольской элиты, как правило, закончившие в свое время престижные советские вузы, в 90-е годы прошли переподготовку в США, где обучались основам парламентаризма и демократического мышления. Кроме того, элитарная группа людей обладает наиболее высоким объемом власти или доступа к ресурсам и центрам власти. Эта, довольно замкнутая каста власти, можно сказать, является хранительницей основ государственности. Именно элита определяет новые идеологические лозунги, в ее

* Доктор филологических наук

руках механизм принятия политических решений. И наоборот, единственной формой власти, имеющей какую-либо ценность, оказывается участие в принятии и проведении в жизнь государственных решений. Социальное положение и социальный статус человека зависит, в том числе, и от степени его включенности в политическую элиту.

Следствием клановой модели поведения, столь характерной для Востока, стало постепенное углубление разделения элиты на правящую и политическую. Другими словами, те или иные действия элиты определяются расхождением между официальной и реальной политикой, как это часто можно наблюдать из практического опыта.

Часть элиты объединилась на базе отрицания прежнего руководства. Так например, демократические партии и движения, появившиеся в Монголии в 1989-1990 гг., противопоставили себя старой номенклатуре. Здесь наблюдается (пусть и не столь очевидно) тенденция постепенного формирования политической системы двух крупных партий, соперничающих в борьбе за власть (хотя в данный момент в Монголии насчитывается более десятка партий и движений, и процесс их дробления явно не закончен.) Складываются предпосылки (особенно заметные на предвыборном этапе) создания партий третьего полюса.

Достаточно часто легитимность элит обеспечивается сочетанием эффективности власти с национальными традициями политической культуры, или с харизматичностью лидера. В настоящее время новой идеологией легитимности стало проведение экономических реформ, потребовавшее иных методов реализации управленческих функций и особенностей политического лидерства.

Итак, можно выделить две линии поведения политической элиты: 1.Национально-государственная власть. Государственный суверенитет воспринимается как высшая ценность; 2.Приоритетом политики становится экономика и прагматизм.

Если первая модель достаточно традиционна, то вторая находится в стадии становления и крайне противоречива. Она связана с процессом перераспределения и приватизации госсобственности, приводящим к формированию реального центра власти, сосредоточенной в руках частного капитала (можно констатировать, что за последние десять постсоциалистических лет в Монголии появился класс предпринимателей). Истинный центр власти обнаружить трудно, ибо планируемая

из центра экономика не бывает эффективной. Сила - в союзе бюрократии и промышленников. Рычаги управления экономикой находятся вне политического центра. Отсюда и противоречивое поведение правящей элиты, которое проявляется в несовпадении декларативных приоритетов с реальными ценностями. Происходит размывание складывающихся институтов власти. В процессе консолидации нового правящего класса кристаллизуются политические и экономические элитные группировки, которые используют привычные инструменты публичной политики для защиты своих корпоративных интересов. По мнению отдельных социологов, в условиях передела, когда власть продолжает порождать собственность, феномен "партия власти" достаточно четко демонстрирует тенденцию, связанную с установлением управленческой элитой собственного экономического господства. Экономические основания политики явно прослеживаются в Монголии и других странах. Политическое участие деловых кругов в региональном политическом процессе приобретает все более устойчивый и регулярный характер, их давление на политическую сферу усиливается. Само существование и деятельность любых экономических структур зависит и санкционируется "партией власти". Следовательно, именно политическая элита оказывается одновременно и экономической, так как управляет приватизацией экономики, рекрутирует в свой состав и выдвигает на управленческие должности представителей прежней хозяйственной элиты.

Все это неизбежно приводит к смещению политического центра. Как уже упоминалось, политический центр номинален. Не являясь центром силы и центром реальной власти, он, однако, отождествляется с национальным государством, государственностью.

Чрезвычайно разветвленная социально-экономическая жизнь порождает сложный механизм политической власти, выявляет противоречивые тенденции в настроениях интеллектуальной элиты. Модель поведения политического центра приоритетную роль отводит культуре. Иначе говоря, в странах Востока сама политика существует под маской культуры. Например, политический фактор продолжает влиять на решающую роль в формировании особой японской культуры. Японскую политику представляют обычно как продукт специфической культуры, диктующей ей свои требования и нормы. Государство, общество и культура сплавлены воедино, воспринимаются японцами как природное явление, обладающее

неотвратимой силой. Японцев заставили считать эту силу благотворной. Как утверждают исследователи, правящая элита Японии в своем стремлении укреплять власть могла легко ограничивать иностранное влияние, позволяя заимствовать извне только те приемы и подходы, которые укрепляли ее собственные позиции. Таким образом, осуществлялся широкий контроль над культурой. Все стороны японской жизни насквозь идеологизированы, чтобы обеспечить устойчивость и непререкаемость власти. Но эта ее особенность маскируется ссылками на культуру, японской национальный характер и "японскость".

Культурно-цивилизационный фактор столь же ярко проявляет себя и в других странах. Исследователи наблюдают на Востоке два противоречивых процесса: процесс приобщения к европейскому и мировому цивилизационному пространству и поиск сохранения национальной идентичности, ибо законы и система общественных институтов, созданных под влиянием европейской культуры и в условиях евроцентричного мира не дают чувства защищенности. По мнению некоторых политологов, сейчас вся современная мировая культура, отмеченная повторной встречей посттрадиционного Востока и современного Запада, претерпевает кардинальное изменение. Но на сей раз встреча культур, вероятно, знаменует "новую версию ориентации глобального сообщества". Сегодня в эпоху всемирного бума социальных и гуманитарных наук рождается новый культурный стиль, сочетающий гуманистические универсалии цивилизации с чуткостью в отношении национальной и этнической специфики. С другой стороны, на фоне геоэкономического расслоения мира происходит формирование макрорегиональных пространств.

В направлении дробления цивилизационного пространства действует логика "национального самоопределения". Существует положительная связь между этнической однородностью и успехом демократических реформ. Иными словами, демократия должна базироваться на решении проблемы национального самосознания. Традиционные ценности служат интересам правящей элиты в странах Востока. Национальная культура, прежде всего, призвана способствовать укреплению политического центра власти. Отсюда огромная роль национализма. Защита этнической идентичности становится национальной идеей. Более того, сверхнациональная идея предполагает централизацию власти, сохранение и

укрепление национального государства. Наивысшей ценностью на Востоке признается государство, национальный суверенитет.

Так, по мнению синологов, жизнестойкость китайской цивилизации в прошлом, настоящем и будущем неразрывно связана с глубиной и прочностью чувства национальной идентичности ханьцев, их приверженностью идее великого Китая, их заботой об обеспечении национального достоинства страны. Предварительным и обязательным условием возрождения Китая было создание государственности. Китайская культура сформировала глубокие традиции внутриэтнической солидарности: чувство принадлежности к самой великой нации и самой древней цивилизации стало условием самоуважения и этнической идентификации большинства этнических китайцев. Интересно, что первая и главная черта, отличающая китайскую философскую культуру от философии иных цивилизаций, состоит в ее политической и социально-нравственной ангажированности, в ее теснейшей связи с политикой, которую она обслуживала, стремясь идеологически обеспечить укрепление мощи государства, его усиление. Само же государство, таким образом, приобрело идеократический характер, который сохранялся на протяжении тысячелетий.

Для монголов чувство национального достоинства, патриотизм ассоциируются с сильной централизованной властью эпохи чингизидов. Эта идея проявляется и в высказываниях о необходимости введения в Монголии президентского правления. Личность президента наделяется атрибутами харизматического лидера, качествами признанного “Сына Неба”, которые позволяют ему осуществлять функции регулятора социума. В этом смысле ссылки на деятельность Чингис хана, как пример для подражания, имеют большое значение. Идеологическое обоснование единовластия актуально именно в переходный период, когда особенно нужен харизматический авторитет. Кроме конкретной деятельности для такого лидера обязательно и совершение “магических” действий. Подтверждением этому служит практика возрождения древних шампанских культов – поклонение и освящение знамени – сульд Чингис хана, обряд жертвоприношения духам гор, освящение курганов обо, в которых принимает участие президент. Ибо, в традиционной политической культуре при обосновании права ханской власти, как условия социальной гармонии в системе традиционных представлений, ведущая

роль принадлежит вере в божественного монарха, в его связь с небом, обладавшим созидательными и мироустроительными функциями.

Утвержденная парламентом Концепция национального развития Монголии провозглашает, прежде всего, задачу “возрождения национального единства и демократии на основе традиционного мировоззрения и современных мировых тенденций развития”. Показателен акцент на отказе от партийного подхода к государственной политике: “Ядром политической системы монгольского общества является государство, а не какие-либо отдельные партии или политические силы”. Стремление к сохранению национальной самобытности сочетается с открытой внешней политикой, отмечается, что идея государственности всегда базировалась не только на собственных традициях, монголы пытались использовать все передовые идеи и достижения соседних более развитых стран. В силу своей специфики кочевая культура могла выжить лишь благодаря гармонии с окружающим миром и во взаимодействии с ним.

Таким образом, идеология населения многих стран Востока, также как и политическая ориентация лидеров, в высшей степени остаются националистическими и государственническими. Объединенные националистические элиты осуществляют демократизацию, благодаря этнической однородности. В противовес западничеству возникают попытки отхода от евроцентризма, возрождения и оформления альтернативного природного, экософского знания, натурфилиософии. Например, в Монголии в последнее время появились Университет традиционных знаний, Академия Чингисхана и др. учебные и научные заведения.

Между тем, существующая государственная линия на этноцентризм вступает в противоречие с реальными потребностями выжить, поэтому возникает опасность утраты этнической и этнокультурной самобытности. Надэтническая установка мировых коммуникаций разрушает идеалы национализма.

Как уже упоминалось, механизм принятия политических решений связан с корпоративными интересами тех или иных политических партийных группировок, попытками их самоутверждения, становлением независимых политических движений, лоббизмом. При этом велики роль и влияние МВФ, других международных финансовых организаций. Политическая элита не ищет споры в государственной власти, этноцентристской по своему характеру. Доминирует

прагматизм, отодвигающий на второй план этноконфессиональный фактор. Ни конфуцианство, ни буддизм не ввели каких-либо правил, устанавливающих рамки для осуществления власти. Китайская традиционная религиозная система изначально адекватна принципам этнического бытового мировоззрения. При этом высказывается предложение адаптировать вероучение к социалистической идеологии. Существует два подхода к современным проблемам самоидентификации китайцев – некоторые общественные деятели указывают на продолжающийся кризис национальной идентичности, другие – на характерные признаки непрерывности в общественном развитии Китая до и после 1949 г.

Пошатнулись основы моно конфессионального монокультурного общества. Начинают действовать иные закономерности. Продолжающаяся экспансия западных конфессий, их успешная деятельность постепенно нивелируют монотеизм Монголии, где на протяжении столетий господствовал буддизм. И в других странах происходит рост нетерпимости во взаимоотношениях конфессий и субкультур.

Активизируется иной, геополитический тип сознания, в чем-то явно альтернативный цивилизационному. Постиндустриальные страны, которые завоевывают азиатские рынки, устанавливают новые правила межнационального общения. Проявляются междисциплинарные и конфессиональные противоречия. Становится актуальной проблема соотношения социально-экономического развития и культурного подъема. Массированное внедрение образцов европейской культуры привело к формированию в XX веке синтетического типа культур в странах Востока. Этногеографические особенности диктуют специфику политики и межнационального культурного взаимодействия. Не последнюю роль в кристаллизации элит играет глобализация мировой экономики и азиатский регионализм. Возможно, проявятся перспективы суперэтнического, или надэтнического пространства. В частности, в условиях АТР, где особенно велико взаимодействие двух культурно-цивилизационных типов Запада и Востока неизбежна дальнейшая фрагментация правящих элит, каждая из которых преследует свои корыстные интересы не этнического характера. Это естественная реакция азиатских элит на мировой опыт.

Новые суждения интеллектуальной элиты Монголии продиктованы политической конъюнктурой, обусловленной в свою очередь не только внутренним положением в стране, но и, прежде всего, геополитическим фактором, которому, по мнению многих публицистов, принадлежит определяющая роль. Отказ от

стандартных подходов национально-государственной структуры приводит к декларативности государственных приоритетов. Открытый внешнеполитический курс Монголии последнего десятилетия, в большей мере, отличается европоцентризмом. Официально приоритетные направления внешней политики Монголии в 90-е годы заявлены в следующей последовательности: монголо-российские, монголо-китайские, монголо-американские, монголо-японские отношения. Однако в реальной жизни пальма первенства принадлежит японскому и американскому факторам. Япония превратилась в одного из главных партнеров Монголии в Азии. Признается, что монголо-японские отношения достигли уровня комплексного партнерства. Стратегическое положение Монголии в Центре Азии позволяет ей принимать активное участие в интеграционных процессах региона. Новым направлением внешней политики Монголии стало расширение сотрудничества с развитыми индустриальными странами, особенно с Южной Кореей, Тайванем, Сингапуром, Гонконгом, Малайзией. Прагматизм как новый принцип внешнеполитической деятельности, вытекает из национальных интересов страны, причем особое внимание уделяется задачам обеспечения национальной безопасности, сохранения принципов нейтрализма и неприсоединения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Элиты в странах Востока являются основными действующими силами, контролирующими исход политического развития. Выбор, способы действия и стратегия элит зависит от их состава. В данный момент в Китае и Монголии, в частности, складывается два типа единства элит: идеологический и консенсуальный. Идеологические элиты принадлежат к доминирующей партии или движению, которое исповедует одну идеологию, консенсуальные связаны с многочисленными конфликтующими партиями, движениями и идеологиями, но они придерживаются общих правил игры и общего понимания деятельности политических институтов и политического руководства.

Модель поведения политической элиты определяется экономикой и прагматизмом. Экономические основания политики явно прослеживаются в Монголии и других странах. Само существование и деятельность любых экономических структур зависит и санкционируется «партией власти». Следовательно, именно политическая элита оказывается одновременно и экономической, так как управляет приватизацией экономики, рекрутирует в свой состав и выдвигает на

управленческие должности представителей прежней хозяйственной элиты. Все это постепенно делает политический центр номинальным. Это не центр силы и реальной власти, но средоточие государственности. Проблема сохранения национальной идентичности в центре заботы правящих элит и в целом интеллектуальной элиты, стремящейся одновременно к интеграции с мировым сообществом.

Что касается Монголии, то здесь в сознании социума сложилась доминанта европоцентризма в оценке многих явлений современной общественной жизни. Вполне вероятно, что на фоне глобальной вестернизации (активное распространение массовой культуры, интернет, беспрепятственное проникновение западных христианских сект, чья деятельность рассчитана, прежде всего, на молодежь до 30 лет*) переориентация духовных ценностей в пользу Запада будет происходить еще более интенсивно. Многие представители духовной элиты Монголии считают, что они в одинаковой мере принадлежат к восточной традиции, также как и к европейской. Национальное самосознание на современном этапе меняется в сторону тенденции технократического общества. Оседлый (городской) тип культуры признается здесь, как более прогрессивный. Хотя трудно отрицать, что в данных природно-климатических условиях более органичным типом хозяйства следует считать традиционное кочевое пастбищное животноводство. Все чаще звучат высказывания об общечеловеческом характере культурных ценностей - подчеркивается общность древних памятников Европы и Монголии (начиная с эпохи палеолита). В 90-е годы в монгольской культуре получила распространение традиционалистская линия преемственности, нашедшая свое выражение в различного рода идеологических и культурных концепциях «азиатизма» (в данном случае панмонголизма), проповеди национальной исключительности, консервации религиозных догм. Как представляется, сегодня жизненность европейско-азиатской модели монгольской культуры обусловлена ее практической целесообразностью. Прежде всего, в контексте открытости многовекторной внешней политики страны, явно выражены ориентация на развитие и укрепление отношений с США и странами Запада и одновременно стремление поддерживать «комплексное партнерство» с Японией, не забывая при этом, по возможности, активнее участвовать во всех интеграционных процессах АТР.

* составляет больше половины населения Монголии.

Представляется, что в российской политике в АТР важно учитывать особенности национальных традиций стран региона, а также условия взаимодействия двух культурно-цивилизационных типов Запада и Востока. Для дипломатической практики в этих странах большое значение имеет знание настроений правящих элит, их интересов, не всегда совпадающих с национально-государственными интересами, но всегда адекватных реакции на мировой опыт экономического развития и регионализм.